

Китайско-индийские отношения в репрезентациях современных исследователей КНР

Анастасия А. Ломова

*Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН),
Москва, Россия, lomova.dip@list.ru*

Аннотация. Взаимодействие КНР и Индии после установления дипломатических отношений развивалось неоднородно: периоды активного сотрудничества сменяла конфронтация, а за ними следовала постепенная нормализация. С момента последней смены политического руководства в Китае (в 2012 г. приход к власти Си Цзиньпина) и в Индии (в 2014 г. приход к власти администрации Нарендры Моди) начинается новый виток перехода их отношений от так называемого мирного сосуществования к вооруженному сосуществованию. Прежние надежды на эффективное политическое взаимодействие даже при сохранении высокого уровня экономической кооперации наталкиваются на принципиально разное понимание двумя странами друг друга. Свидетельством этого стал вновь вспыхнувший пограничный конфликт между двумя странами. И если политические круги Индии во многом секьюритизируют китайский вопрос, то позиция КНР в основном строится на восприятии соседа через призму отношений Дели и Вашингтона, а также остроты антикитайской риторики индийских политических кругов. В такой ситуации асимметричный характер отношений сторон можно рассматривать в рамках теории статуса.

Принимая во внимание конфликтный потенциал, китайские эксперты продолжают поиск возможных путей взаимодействия с Индией, делая упор на их историческую общность и общую судьбу, схожие проблемы и взгляды на мировую экономическую и политическую системы.

Ключевые слова: Китай, Индия, США, мировая политика, теория статуса

Для цитирования: Ломова А.А. Китайско-индийские отношения в репрезентациях современных исследователей КНР // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 4. С. 59–73. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-59-73

China-India relations in the representations of contemporary PRC researchers

Anastasia A. Lomova

*Primakov Institute of World Economy and International Relations (IMEMO),
Moscow, Russia, lomova.dip@list.ru*

Abstract. Since the establishment of the diplomatic relations, the interaction between the PRC and India has developed unevenly: the periods of active cooperation were followed by confrontation, and a gradual normalization. Since the last change of the political leadership in China (in 2012 Xi Jinping came to power) and in India (in 2014 the N. Modi administration took office), a new path of their relations has begun from the so-called “peaceful coexistence to armed coexistence”. The previous hopes for effective political interaction (even while maintaining a high level of economic cooperation) are met with a fundamentally different understanding of each other by the two countries. The renewed border conflict between the two states has demonstrated that. And if the Indian political circles securitize the Chinese problem, the PRC’s position is mainly based on the perception of its neighbor through the prism of the relations between Delhi and Washington, as well as through the intensity of the anti-Chinese discourse of the Indian elites. In that situation, the asymmetrical nature of the relations between the two sides is considered by researchers within the frame of a status theory.

At the same time, considering the conflict potential, Chinese experts continue to seek the ways of interaction with India, focusing on their historical background and common destiny, the similar problems and views on the global economic and political systems.

Keywords: China, India, USA, developing countries, status theory

For citation: Lomova, A.A. (2024), “China-India relations in the representations of contemporary PRC researchers”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 59–73, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-4-59-73

Введение

Развитие и подъем КНР стали важнейшими факторами, определяющими трансформацию системы международных экономических и политических отношений XXI в. Вместе с тем внимание ученых и исследователей всего мира привлекает еще один азиатский гигант – Индия. Эти страны являются древнейшими цивилизациями, соседями, стремятся к ведущим позициям на международной

арене. При этом рост конфликтного потенциала отношений КНР и Индии может поставить под угрозу не только их собственные усилия по национальному возрождению и процветанию, но и региональную, а возможно, и глобальную безопасность. Страны очень по-разному воспринимают друг друга, что во многом берет корни в истории их отношений.

Объектом настоящей статьи выступают отношения КНР и Индии, предметом – факторы и особенности китайского восприятия и подхода к взаимодействию между двумя странами.

Новизна исследования заключается в самом его фокусе – изучение восприятия Китайской Народной Республикой ее отношений с Республикой Индия на современном этапе не было предметом особого внимания отечественных специалистов.

Методология подобрана для оптимального достижения целей статьи – используется метод системного и историко-эволюционного анализа, а также метод исторической периодизации и дискурс-анализ.

Гипотеза статьи заключается в том, что особенности восприятия Индии и ее китайского дискурса со стороны КНР строятся на историческом опыте взаимодействия двух сторон с учетом фактора США, но при этом базовой выступает идея о необходимости прямого диалога и расширения взаимодействия между сторонами.

Ключевой вопрос: какие существуют особенности восприятия Китаем Индии и ее китайского дискурса и как они влияют на современное состояние отношений двух стран?

Этапы развития отношений КНР и Индии

Отношения между двумя крупнейшими государствами Азии – Китаем и Индией – за свою современную историю прошли через периоды «бурь и гроз» – от успешного взаимодействия до военного конфликта и нормализации отношений. Условно можно выделить несколько этапов.

Первый этап – 1950–1962 гг.: «Индия и Китай близки, как братья». Дипломатические отношения между КНР и Республикой Индия были установлены 1 апреля 1950 г. Индия стала одной из первых в мире (и первым государством, не принадлежавшим к социалистическому блоку стран), признавшей новое правительство Китая. Динамичное развитие китайско-индийских отношений строилось в духе нерувианства и в рамках Движения неприсоединения. Обе стороны продвигали в своей политике Пять принципов

мирного сосуществования и эффективно взаимодействовали в продвижении сотрудничества развивающихся стран вне блоковых систем и противостояния СССР и США.

Второй этап – 1962–1988 гг.: «война и постепенное восстановление». Все изменилось в 1962 г., когда на китайско-индийской границе разгорелся крупномасштабный вооруженный конфликт. Началом столкновения послужила политика «зеркальных действий» [Толмачев 2016, с. 73], а также концептуально разное отношение сторон к имеющимся спорным вопросам. Еще до усиления конфронтации индийцы призывали Пекин «не поднимать проблему там, где ее нет, так как пограничный вопрос между двумя странами давно был решен, подтверждением чему служат исторические документы и соглашения» [Толмачев 2016, с. 73]. В свою очередь, как утверждает Ю. Толмачев, «если учесть, что Китай не признавал линию Макмагона на восточном секторе границы, а средний и западный секторы границы никогда не определялись никакими юридическими договорами, то тогда пограничный вопрос действительно существовал» [Толмачев 2016, с. 74]. Военный конфликт завершился поражением индийских войск и ухудшением отношений между двумя странами, самым значительным за их современную историю. С того времени Аксайчин (тогда территория бывшего штата Джамму и Кашмир в индийской интерпретации), а также Южный Тибет (индийское название Аруначал-Прадеш) сохраняют статус спорных регионов: ни Индия, ни Китай не признают суверенитет друг друга над этими территориями, считая их исключительно своими, хотя фактически контроль разделен.

Третий этап – 1988–2013 гг.: «конструктивное сотрудничество». Десятилетие спустя стороны возобновили обмен послами, а дипломатический прорыв 1988 г., связанный с визитом премьер-министра Индии Раджива Ганди в Китай, стал началом нового этапа отношений двух стран. Вместе с тем менялись и внешняя ситуация, и внутривнутриполитические условия обеих стран – распад СССР и последующая трансформация мировой политической и экономической архитектуры, экономический рост Китая и развитие самой Индии. Отношения двух стран стали рассматриваться не только в контексте их двустороннего взаимодействия, но и с точки зрения влияния на Азиатский регион – важнейший для экономического развития обеих стран.

Так КНР и Индия перешли к эпохе конструктивного взаимодействия, что выразилось в подписании следующих документов: «Декларация о принципах китайско-индийских отношений и всестороннего сотрудничества» 2003 г., совместное заявление «Об установлении отношений стратегического партнерства и сотрудни-

чества во имя мира и процветания» 2005 г., совместное заявление «О десяти пунктах по углублению отношений стратегического партнерства и сотрудничества» 2006 г.¹ Отношения продолжали активно развиваться: Китай и Индия начали сотрудничать по линии ШОС, БРИКС, «Группы двадцати», а также в рамках других международных механизмов.

Четвертый этап – 2013–2023 гг.: «новые элиты: от “мирного сосуществования к вооруженному сосуществованию”»². Новый период в двусторонних отношениях связан с приходом к власти в КНР Си Цзиньпина (2012), в Индии – Нарендры Моди (2014).

Содержание китайско-индийских отношений в этот период стало отвечать классическому примеру «азиатского парадокса», когда экономическое измерение двусторонних отношений опережает политическую динамику. В 2000 г. двусторонний товарооборот составлял 2,9 млрд долл. США, в 2014-м – 70 млрд долл. США, в 2022-м – 136 млрд долл. США. При этом для Индии неизменно пропорционально рос дефицит торгового баланса, который в 2022 г. составил более 100 млрд долл. США³.

В 2020 г. между КНР и Индией вновь вспыхнул пограничный конфликт, всколыхнув старые обиды и обнажив неурегулированные вопросы. По состоянию на декабрь 2023 г. стороны «договорились договариваться» – то есть поддерживать диалог по линии военных и дипломатов для сохранения мира и спокойствия на линии фактического контроля⁴. Однако в ближайшей перспективе ни одна из сторон не готова к компромиссу – единственному возможному пути решения пограничных вопросов. Причины этого заключаются в стратегическом расположении конфликтной области с точки зрения геополитики и политической географии, а также в достаточной силе и политической воле двух сторон «не уступить

¹ 中国同印度的关系 [Отношения Китая и Индии]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677220/sbgx_677224/ (дата обращения 24 декабря 2023).

² Madan T., Gokhale V., Menon S. A big-picture look at the India-China relationship // The Brookings Institution. September 20, 2023. URL: <https://www.brookings.edu/articles/a-big-picture-look-at-the-india-china-relationship/> (дата обращения 24 декабря 2023).

³ India China bilateral trade. URL: https://www.eoibeijing.gov.in/eoibeijing_pages/MjQ (дата обращения 24 декабря 2023).

⁴ 国防部：中印两军在莫尔多/楚舒勒会晤点印方一侧举行第十九轮军长级会谈 [Минобороны: военные Китая и Индии провели 19-й раунд переговоров на уровне командиров]. URL: <https://m.huanqiu.com/article/4E8fIm16Mx> (дата обращения 5 января 2024).

ни ли земли»⁵. Кроме того, для КНР любые уступки в территориальном вопросе могли бы быть восприняты как прецедент и для других участников территориальных споров с Китаем (например, в Южно-Китайском или Восточно-Китайском морях). Что касается Индии, «активные действия Китая расцениваются Нью-Дели как нарушение статус-кво, что с учетом многочисленных территориальных споров между КНР и Индией вызывает беспокойство у индийского руководства. Наконец, не стоит сбрасывать со счетов известный реваншизм ряда военных и политических кругов в Нью-Дели, заинтересованных в том, чтобы заретушировать поражение Индии в войне 1962 г.»⁶.

Столкновения на границе привели к новому охлаждению двусторонних отношений, а такие сопутствующие факторы, как подъем национального самосознания обеих стран, значительный рост их экономик, повышение значимости КНР и Индии в международных делах и, наконец, возникновение ситуации стратегической конкуренции между Китаем и США, углубили разницу стратегического восприятия странами друг друга.

Исследователи мировой политики задаются вопросом: «Почему сильные лидеры, такие как Си и Моди, не смогли восстановить отношения? И как мы объясним сохраняющуюся напряженность в двусторонних отношениях?» [Pu Xiaoyu 2022, p. 227].

По мнению Пу Сяюй, новый этап взаимодействия КНР и Индии проходит не в рамках классической «дилеммы безопасности», ученый предлагает рассмотреть его через призму теории статуса. Он придерживается определения, что статус можно обозначить как «коллективные представления о месте данного государства по оцениваемым характеристикам (богатству, возможностям использования принудительных мер, культуре, демографической ситуации, социально-политической организации и дипломатическому влиянию)» [Wolf 2011, p. 105].

Ученый утверждает, что поскольку статус – это позиционное благо, ограниченный и неделимый ресурс, то теория статуса применима тогда, когда одно государство намерено изменить статус-кво, чтобы получить более высокий статус по сравнению с другим государством. Пу Сяюй формулирует дилемму статуса следующим

⁵ Ли (里) – китайская единица измерения расстояния.

⁶ *Куприянов А.В.* Конфликт на плато Доклам: причины и возможные последствия // Международный дискуссионный клуб «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/konflikt-na-plato-doklam-prichiny-i-vozmozhnye-pos> (дата обращения 24 декабря 2023). См. также [Куприянов 2020].

образом: «Когда действие государства А по совершенно другим причинам воспринимается государством Б как угроза его статусу, государство Б предпринимает ответные действия, которые А воспримет как угрозу своему статусу» [Pu Xiaoyu 2022, p. 231].

Определенные подтверждения этой теории мы находим в китайско-индийских отношениях на современном этапе.

Индия, обеспокоенная интенсивным развитием Китая, воспринимает его как непосредственную угрозу (иногда экзистенциальную), что лишь обострилось с началом столкновений на границе. Эту идею в видении индийских политиков подкрепляют усиление военной мощи КНР в Индоокеанском регионе и сопряжение взаимодействия по линии «Один пояс – один путь» (ОПОП) со странами региона (самым провокационным примером сотрудничества из которых для Дели является взаимодействие по оси Пекин – Исламабад). При этом Пояс и Путь – один из самых масштабных проектов Китая, участниками которого являются уже более 150 стран (Индия не входит в число стран-участниц ОПОП).

Именно Индоокеанский «домашний» для Индии регион представляет особую значимость для развития ее стратегических возможностей и реализации внешнеполитической стратегии [Куприянов 2020, с. 136], но, с другой стороны, является важным и для КНР – с точки зрения реализации Экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века и построения новых цепочек поставок. Министр иностранных дел Индии С. Джайшанкар заявил: «Подъем Китая – это реальность, но есть и другая реальность – подъем Индии»⁷.

Пу Сяоюй называет это «асимметрией силы»: статусный разрыв ведет к тому, что Индия чрезмерно чувствительна к действиям КНР, а Китай, в свою очередь, менее чувствителен к действиям Индии и не рассматривает ее как значительную угрозу [Pu Xiaoyu 2022, p. 240]. Асимметрия силы ведет к разной реакции двух стран на кризисы и росту напряженности в их отношениях, а также ведет к неправильному восприятию странами друг друга: «Обе стороны обвиняют друг друга в создании и сохранении напряженности и считают, что инициатива урегулирования должна исходить от противоположной стороны» [Шаумян 2022, с. 146].

Сам же Китай недоволен построением сети формальных и неформальных, имеющих тенденции к милитаризации союзов под предводительством США и с участием стран региона, активность

⁷ *Chakraborty A.* Envoys' talks seen to boost ties with India // China Daily. 06.12.2023. URL: <https://epaper.chinadaily.com.cn/a/202312/06/WS656fc039a310d4219e3aa926.html> (дата обращения 7 января 2024).

которых направлена на сдерживание КНР, и называет их «Азиатским НАТО». При этом администрация Дж. Байдена отводит Индии ведущую роль в реализации американской стратегии в Индоокеанском регионе.

Пу Сяоюй считает, что «Индия склонна переоценивать статусные амбиции и роль Китая» и его стремление стать гегемоном Азии, и считает неверным восприятие китайско-индийских отношений как «игры с нулевой суммой» [Pu Xiaoyu 2022, pp. 240–241]. Он отмечает, что восприятие Индией Китая в целом более негативное и конкурентное, чем восприятие Индии со стороны КНР.

Китайский дискурс индийских политических кругов

Исследования Индии в китайской академической среде, как правило, имеют в своем фокусе либо исторические аспекты, религию и другие культурно-гуманитарные особенности взаимодействия двух стран, либо же направлены на изучение и сравнение позиций двух стран по международным вопросам. Изучение непосредственно политики Индии в отношении КНР в публичном академическом дискурсе весьма ограничены, что обусловлено историческими особенностями развития их двусторонних отношений.

Среди немногочисленных исследований интерес представляет одна комплексная работа специалистов Шанхайского университета политических наук и права (Ван Вэньцзя и Ван Вэйминь), которые изучили «китайский дискурс» индийских политиков. Это позволит нам несколько приблизиться к пониманию восприятия Индии академическими кругами КНР.

Исследователи отмечают, что за период правления администрации Н. Моди политика Индии в отношении КНР перешла от идеи «конструктивного взаимодействия» к явно выраженному «антикитайскому» курсу, от прагматизма к ультранационализму, а в стратегической конкуренции между Китаем и Соединенными Штатами Индия выбирает «высокорискованный оппортунизм» (то есть продолжает движение в сторону более близкого альянса с США). Они отмечают, что текущее поведение политических кругов «иррационально и радикально»⁸.

⁸ 王文佳、汪伟民：印度战略界对华策略论争研究 [Ван Вэньцзя и Ван Вэйминь: исследование дискуссий стратегических кругов Индии в отношении Китая] // Fudan Institute. 22.11.2021. URL: https://brgg.fudan.edu.cn/articleinfo_4270.html (дата обращения 24 декабря 2023).

В этих условиях китайские ученые условно разделяют политические элиты Индии на ультранационалистов, прагматиков и пацифистов. Для отображения базовых ориентиров каждого течения выделяются основные представители-политики, их отношение к Китаю, пограничному вопросу и позиция по индийско-американским отношениям.

Первая группа – ультранационалисты. По мнению китайских специалистов, ультранационализм исторически строится на геополитических концепциях мандалы, а в современной политике – на идее «Индия прежде всего» (India first). Ученые отмечают, что по пограничным вопросам они выступают за восстановление четкой линии фактического контроля и создание ситуации прямой зависимости нормализации отношений между двумя странами с решением пограничных споров, установив для этого четкие временные рамки. Китай рассматривается как «долгосрочная угроза» для Индии, и поэтому представители этой фракции выступают за стратегию конфронтации и сдерживания Китая, для чего в Азиатско-Тихоокеанском регионе должны быть созданы военные альянсы с заинтересованными державами⁹. Представителями этой группы, по мнению китайских исследователей, являются, например, советник премьер-министра Индии по национальной безопасности Аджит Довал и министр иностранных дел Индии Субраманьям Джайшанкар.

Вторая группа – прагматики. В рамках прагматизма Индия и Китай рассматриваются как конкуренты. При этом особая роль отводится идее «неприсоединения» как важнейшей основе внешнеполитической стратегии Индии. Это позволяет ей принимать решения исходя из собственных интересов, не будучи ограниченной крупными державами или группами стран. Ван Вэньцзя и Ван Вэйминь считают, что индийские прагматики «признают, но не преувеличивают “китайскую угрозу”», а важность пограничных вопросов в китайско-индийских отношениях считают второстепенной, поскольку «ни одна из них не готова фундаментально изменить статус-кво на границе»¹⁰. Значительное внимание при этом уделяется стратегической конкуренции между Китаем и США, которая, однако, сама по себе не ведет к возникновению «автоматических преимуществ для Индии»¹¹. Прагматики, по мнению китайских ученых, ищут идею «стратегического баланса» – Индии необходимо поддерживать контакты с Китаем и Соединенными

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

Штатами одновременно и обеспечить, чтобы Индия находилась в таком положении, когда ее двусторонние отношения с Китаем и Соединенными Штатами были бы лучше, чем отношения последних двух друг с другом. Основными представителями этой группы, по мнению китайских исследователей, являются бывшие министры иностранных дел Индии Шьям Саран и Шившанкар Менон, а также бывший посол Индии в Китае Нирупама Рао.

Третья группа – пацифисты. «Сегодняшний идеализм – это завтрашний реализм» [Gupta 1972, p. 360] – пацифисты, как отмечают Ван Вэньцзя и Ван Вэйминь, критически относятся к силовой политике, призывают к выходу за ее рамки посредством механизмов коллективной безопасности и укрепления международных институтов. Китайские исследователи считают, что для этой группы индийских политиков ключевым вопросом в «Азиатском веке» будет то, смогут ли Китай и Индия, две крупнейшие державы, помочь обеспечению мира и стабильности во всем мире. Что касается пограничного вопроса, то «Индия упустила ценную возможность избежать войны и мирным путем определить свою границу с Китаем, а продолжающееся размещение индийским правительством обычных вооруженных сил на границе является проявлением “неспособности мыслить за пределами традиционного мышления”, что в целом подрывает перспективы сотрудничества между двумя странами в других областях»¹². Идеи пацифистов строятся на возможности мирного развития двух стран. В вопросе выбора Индии в стратегической конкуренции между Китаем и США Ван Вэньцзя и Ван Вэйминь считают, что для представителей этого течения поворот правительства Н. Моди к США нарушил китайско-индийские отношения, и поскольку в настоящее время Китай фактически окружен Соединенными Штатами и их союзниками, то его желание укрепить свою периферийную безопасность вполне обоснованно. Основными представителями этой группы названы политический аналитик и бывший советник премьер-министра Индии Санджая Бару, а также политик и обозреватель Судхендра Кулкарни.

Китайские исследователи считают, что, «судя по текущим публичным текстам крупнейших стратегических аналитических центров Индии и основных средств массовой информации, побеждает ультранационализм», но в то же время отмечают несоответствие идей ультранационализма политической традиции Индии. Они отмечают, что «с исторической точки зрения, как пацифизм, так и прагматизм были основными идеями в стратегических кругах Индии и сыграли роль в успешном достижении независимости Индии

¹² Ibid.

и ее экономическом подъеме»¹³, тем самым выражая надежду на возвращение Индии к этим идеям. Кроме того, ученые обобщают взгляды китайских политических кругов на отношения КНР и Индии, также условно разделяя их на группы «традиционной дружбы», «непримиримых противоречий» и «параллельного подъема»¹⁴.

Китайские исследователи, очевидно, отдают свои предпочтения пацифистам и прагматикам, а как результат своей работы по изучению восприятия Китая индийскими политическими кругами предлагают, во-первых, укреплять китайско-индийский стратегический диалог, что должно создать новую основу для развития двусторонних отношений, а во-вторых, использовать ресурсы Китая для содействия развитию Индии, а не следовать стратегии реагирования на «китайскую угрозу».

Эта же логика прослеживается в статье «Эволюция китайско-индийских отношений и пути выхода из сложившейся ситуации» за авторством директора Азиатско-Тихоокеанского департамента Института международных исследований Китая младшего научного сотрудника Лань Цзяньсюэ. Он выделяет пять негативных стратегий, которые использует правительство Индии в отношении Китая: цифровое подавление (запрет работы ряда китайских приложений), ограничение китайских инвестиций и запрет использования китайского оборудования, бойкотирование китайских товаров, препятствование работе китайских СМИ и манипулирование такими вопросами, представляющих «особую озабоченность» для КНР, как Тайвань и Тибет [Лань Цзяньсюэ 2023, р. 68]. Исследователь также особо подчеркивает важность фактора США, называя его основной причиной текущего «антикитайского» политического курса Индии. В долгосрочной перспективе Лань Цзяньсюэ признает значительный потенциал развития обеих стран и рассматривает КНР и Индию как «двух героев, стоящих бок о бок». Исследователь считает, что они смогут преодолеть влияние иностранных сил и вернуться к ситуации здоровой конкуренции. Он полагает, что китайско-индийское взаимодействие должно строиться на основе идеи совместного развития, а в качестве базового ориентира рассматривает нормализацию отношений между странами на основе принципов 1988 г.

Нарратив необходимости более тесного индийско-китайского сотрудничества характерен и для работ других ученых КНР, в академических кругах которой вполне естественно повышается интерес к Индии. Специалисты, как правило, все еще рассматривают ее как крупную региональную развивающуюся державу

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

(с тенденцией стать великой державой, но пока не являющейся таковой¹⁵). При этом ученые изучают не только «факторы политического, дипломатического, экономического и военного развития Индии»¹⁶, но и, например, сравнивают модель ее экономического роста с китайской¹⁷, признавая ее значительный потенциал. Идеальным вариантом взаимодействия для китайских специалистов представляется поддержка Индией ОПОП¹⁸ и сотрудничество сторон в регионе Индийского океана¹⁹.

Однако следует отметить ужесточение риторики со стороны некоторых китайских экспертов. Исполнительный директор Института Южной Азии Китайской академии современных международных отношений ученый Лоу Чуньхао призывает Индию определиться со стратегическим курсом. По его мнению, многовекторная дипломатия Индии, основанная на позиционировании себя одновременно «и как страны Юга, и как страны Запада» (где под «Западом» имеется в виду поддержка демократических ценностей, а «Югом» – лидерство среди развивающихся стран), рано или поздно зайдет в стратегический тупик²⁰. Он отмечает, что Индии

¹⁵ 王世达: 世界百年变局中的印度大国梦 [Ван Шида: мечта Индии стать великой державой в столетие перемен] // Fishnet. 13.09.2023. URL: <http://comment.cfsnet.com/2023/0913/1328602.html> (дата обращения 24 декабря 2023).

¹⁶ 印度问题 学术研讨会在浙江杭州举行 [Индийские вопросы: научный семинар прошел в Ханчжоу, провинция Чжэцзян]. 13.10.2023. URL: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202310/t20231013_5690276.shtml (дата обращения 24 декабря 2023).

¹⁷ 多面全球化 – 国际发展的新格局 [Многогранная глобализация – новая структура международного развития]. 12.10.2023. URL: https://www.cssn.cn/dsskhs/skhs_xstj/202310/t20231012_5690101.shtml (дата обращения 24 декабря 2023).

¹⁸ 共建“一带一路”前景更加值得期待 [Еще больше ожиданий от перспектив совместного строительства «Пояса и пути»]. 18.10.2023. URL: https://www.cssn.cn/skwxsd/gjhy/202310/t20231018_5691196.shtml (дата обращения 24 декабря 2023).

¹⁹ 印度洋地区发展报告(2022)(蓝皮书)发布会举行 [Пресс-конференция «Отчет о развитии региона Индийского океана (2022 г.) (Синяя книга)»]. 03.06.2023. URL: https://www.cssn.cn/skwxsd/hyrl/hyxx/202306/t20230606_5643089.shtml (дата обращения 24 декабря 2023).

²⁰ 楼春豪: 印度战略投机“多头下注”能持久吗 [Лоу Чуньхао: Как долго смогут продолжаться стратегические спекуляции Индии?]. 15.09.2023. URL: <https://m.huanqiu.com/article/4EXiIyXZjXp> (дата обращения 24 декабря 2023).

невозможно «получить всестороннюю помощь от США, обеспечив при этом стратегическую независимость»²¹. В своей публикации он выделяет два критически важных момента, в которых, как предполагается, должны отдавать себе отчет политические элиты Индии: первый – не хочет ли, а *может ли* Индия противостоять Китаю в долгосрочной перспективе, и второй – не будет ли она в случае своего успешного развития следующей «мишенью» Вашингтона, как ею сегодня стал Китай.

Заключение

Взаимодействие КНР и Индии с момента установления дипломатических отношений развивалось неоднородно. Ухудшение двусторонних отношений после пограничной войны 1962 г. оказывает существенное влияние и на их современное состояние: взаимное доверие было подорвано и так и не было восстановлено до прежнего уровня. Изменение международной обстановки, связанное с распадом СССР, а также развитием обеих стран добавило новый импульс их взаимодействию, что прежде всего выразилось в активизации их экономических связей (в 2013 г. Китай занимает место ведущего торгового партнера Индии, уступая его лишь в отдельных годах США).

Асимметрия в китайско-индийских отношениях проявляется в стратегических подходах двух стран по отношению друг к другу. Смена политических элит в обеих странах в 2012 и 2014 гг., экономическое развитие Китая и Индии, возникновение стратегической конкуренции между КНР и Соединенными Штатами, подпитанные ростом национального самосознания и переоценкой исторического наследия, привели к усилению расхождения стратегических курсов и росту конфликтного потенциала Китая и Индии. Это отразилось в активизации пограничных столкновений между двумя странами.

Отвечая на ключевой вопрос статьи, необходимо отметить, что китайские академические круги уделяют внимание изучению восприятия Индией КНР и следят за развитием «китайского дискурса» ее политических кругов, предлагают свои сценарии взаимодействия с ними. Китайские исследователи продолжают поиск возможных сфер сотрудничества двух стран на основе их исторической общности и совместных интересов развития, полагая, что их успешное взаимодействие послужит во благо народов Китая

²¹ Ibid.

и Индии. Значительную роль китайские исследователи отводят фактору США, считая его одной из основных причин, препятствующих нормализации двусторонних отношений. Вместе с тем за скобками китайская сторона оставляет наследие пограничной войны 1962 г., спекуляции вокруг которой питают антикитайский дискурс и влияют на важнейшие императивы внешней политики Индии в отношении КНР.

Литература

- Куприянов 2020 – *Куприянов А.В.* Индия и Китай: игра с ненулевой суммой // *Мировая экономика и международные отношения.* 2020. Т. 64. № 6. С. 133–141.
- Толмачев 2016 – *Толмачев Ю.О.* Китайско-индийский пограничный конфликт в 1962 г. // *Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина.* 2016. № 2 (51). С. 73–82.
- Шаумян 2022 – *Шаумян Т.Л.* Индия на глобальных перекрестках // *Свободная мысль.* 2022. № 2 (1692). С. 144–155.
- Gupta 1972 – *Gupta S.R.* Indian non-alignment // *India Quarterly: A Journal of International Affairs.* 1972. Vol. 28. No. 4. P. 358–363.
- Pu Xiaoyu 2022 – *Xiaoyu P.* The status dilemma in world politics. An anatomy of the China – India asymmetrical rivalry // *The Chinese Journal of International Politics.* 2022. Vol. 15. No. 3. P. 227–245.
- Wolf 2011 – *Wolf R.* Respect and disrespect in international politics. The significance of status recognition // *International Theory.* 2011. Vol. 3. No. 1. P. 105–142.
- Лань Цзяньсюэ 2023 – 蓝建学. 中印关系嬗变及出路// *国际问题研究*, 2023 年第 3 期 55 – 73 [Лань Цзяньсюэ. Эволюция китайско-индийских отношений и пути выхода из сложившейся ситуации // *Международные исследования.* 2023. № 3. С. 55–73.]

References

- Gupta, S.R. (1972), “Indian non-alignment”, *India Quarterly: A Journal of International Affairs*, vol. 28, no. 4, pp. 358–363.
- Куприянов, А. (2020), “India and China: the non-zero-sum game”, *Mirovaya ekonomika i mezhduнародnye otnosheniya*, vol. 64, no. 6, pp. 133–141.
- 蓝建学. 中印关系嬗变及出路// *国际问题研究*, 2023 年第 3 期 55 – 73 [Lan, J. (2023), “The evolution of Sino-Indian relations and the way out of the current situation”, *International Studies*, vol. 3, no. 3, pp. 55–73].
- Pu, X. (2022), “The status dilemma in world politics. An anatomy of the China–India asymmetrical rivalry”, *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 15, iss. 3, Autumn, pp. 227–245.

- Shaumyan, T. (2022), "India at global crossroads", *Svobodnaya mysl'*, vol. 1692, no. 2, pp. 73–82.
- Tolmachev, Yu.O. (2016), "China–India conflict in 1962", *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*, vol. 51, no. 2, pp. 73–82.
- Wolf, R. (2011), "Respect and disrespect in international politics. The significance of status recognition", *International Theory*, vol. 3, no. 1, pp. 105–142.

Информация об авторе

Анастасия А. Ломова, кандидат политических наук, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН), Москва, Россия; 123007, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23; lomova.dip@list.ru
ORCID: 0009-0004-3178-7480

Information about the author

Anastasia A. Lomova, Cand. of Sci. (Political Science), Primakov Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Moscow, Russia; bld. 23, Profsouznaya St., Moscow, Russia, 117997; lomova.dip@list.ru
ORCID: 0009-0004-3178-7480